

входят в состав всех трех микрообразов, но при этом предстают в разных категориях: конь выступает как носитель состояния (свободное/ несвободное существо: *аравийский конь* (Цветаева) /*запряженный конь*); человек – как каузатор состояния коня (*запряг, обуздал/ расшорил* = «привел в несвободное /свободное состояние»); упряжь – как средство каузации свободы/ несвободы (*снять узду с прессы /надеть узду на прессу*). См. примеры актуализации признака «несвобода» разными лексическими средствами (преобладающими среди них являются именованная упряжи) – как правило, в комбинации с другими признаками: *...Если лингвисты четко различают позиции говорящего и слушающего и признают "научное право" той и другой позиции, не прикрываясь шорами только своей* (Гайсина); *Возвратятся на свои на круги Ураганы поздно или рано, И, как сыромятные подпруги, Льды затянут брюхо океану* (Высоцкий); *Я думаю, что Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя в корде. Вы оба мало работаете* (Чехов – Ежову); *И, сняв служебные гужи...* (Маяковский); *...И Горбачев вопреки сопротивлению партаппарата решил отпустить вожжи, приоткрыть крышку, выпустить пар* (Ковельман). Семантическая соотносительность микрообразов обнажает интегрирующую роль соответствующих признаков.

Варьирование фрагментов образа (коня, артефактов, человека в его отношении к коню, отдельно взятого признака, слова или ассоциативной связи) определяется двумя тенденциями – центробежной и центростремительной:

- с одной стороны, свободой варьирования, актуализацией многообразных признаков реалии, прихотливым комбинированием этих признаков,
- с другой стороны, проявлениями регулярности – предрасположенностью к актуализации небольшого числа смыслов, обладающих наиболее высокой коммуникативной релевантностью.

В заключение подчеркнем, что категория концепта-образа в ее проекции на лексико-семантический уровень позволяет выявить взаимосвязь когнитивных и языковых единиц: семантика лексических единиц в их совокупности отражает все знания о называемой ими реалии; средства экспликации образа имеют семантическую системную организацию; его метафорическое функционирование регулируется закономерностями, характерными для языковых единиц и имеющими когнитивную природу.

Литература

1. Илюхина Н.А. Образ как объект и модель семасиологического анализа: автореф. дис. ...д-ра филолог. наук. Уфа, 1999.
2. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.

Е.В. Капелюшник
Томский государственный
политехнический университет

«СЛАДКОЕ» В КУЛИНАРНОМ КОДЕ КУЛЬТУРЫ
(на материале лексики образного)

Изучение способов репрезентации культуры в языке является одной из основных задач лингвокультурологии. М.В. Пименова указывает, что на современном этапе «одной из первоочередных проблем может быть названа проблема определения общей для языка и культуры онтологической платформы. Для этого необходимо изучить языковые единицы как средство хранения и передачи ментальности носителей языка, а также как средство, продуцирующее эту ментальность» [6: 79]. Код культуры – это нормативно-ценностная система, организующая этнокультурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира. В.В.Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [4: 232].

Многие аспекты социальной и культурной жизни находят свое образное выражение в терминах еды, продовольствия. Этот вид уподобления происходит легко, так как система организации приготовления пищи и пищевые привычки устойчивы в пределах каждой культуры. Еда может служить метафорическим основанием выражения семейных, религиозных, гендерных, социальных позиций, потому что издревле выполняет различные социальные и обрядовые функции. Кулинария в целом и отдельные ее части могут рассматриваться как основа концептуализации мира, как один из важнейших этнических модулей, посредством которого люди выстраивают свой национально специфический образ мира.

Исследование, результаты которого представлены в статье, выполнено в рамках теории образности, разработанной учеными Томской лингвистической школы. Ее основные положения нашли отражение в публикациях О.И. Блиновой [2, 3], Е.А. Юриной [9, 10] и др. Теоретически разработана модель описания образного строя языка, рассмотрены элементарные (образные слова выражения) и комплексные (образные поля и парадигмы) единицы языка в лексико-семантическом, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Вслед за указанными авторами, образность понимается как «лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющаяся в их способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, нетождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [9: 40]. Задачей данного исследования является изучение пласта образных мотивированных единиц, представляющих кулинарный код культуры.

В русском языке образные единицы, репрезентирующие систему образов, относящихся к концептуальному полю ЕДА/ПИЩА, занимают значительное место. В их числе:

– образные единицы, называющие продукты питания: *баранка* ‘булочное изделие в виде кольца, напоминающее рога барана’; *селедка под шубой* ‘название блюда из сельди, покрытой овощами наподобие шубы’; *мундир* ‘картофель, сваренный или испеченный в кожуре, как в мундире’;

– образные обозначения, характеризующие различные явления окружающего мира посредством кулинарной метафоры: *пирожок* ‘мужская шапка без полей с продольно вдавленным верхом; по форме похожая на пирожок’; *обстрипать* ‘обмануть, провести кого-либо, так же легко как стрипать’; *от сушки дырка* ‘очень мало, почти ничего’; *насолить* ‘сделать кому-либо неприятность, словно добавить соли’.

Особое место в кулинарном коде культуры занимают образы сладостей. Рассмотрим систему устойчивых образных представлений, репрезентирующую ключевой образ «СЛАДКОЕ» в качестве основания совокупности метафорических номинаций различных явлений действительности. Для этого выявим и проанализируем образные единицы с семантикой ‘сладкое’; опишем состав и структуру образного семантического микрополя «СЛАДКОЕ»; рассмотрим семантико-прагматическую специфику квази-эталонов, входящих в структуру данного поля; определим аксиологические аспекты метафоризации «сладкого», а именно: ценностную шкалу, установки культуры, отражающиеся посредством образных единиц с семантикой ‘сладкое’.

Невозможно представить себе русское гостеприимство без изобилия сладкого стола с его вареньями, печеньями, пряниками и т. д. Это идет из глубокой древности, когда началось употребление меда. Сыта – древнейшее слово, обозначающее разбавленную медом воду, которая использовалась как приправа к кашам [5, С.288]. Мед – это и сладость, и еда, и лекарство от многих болезней. Употребление меда это и часть свадебного обряда. С X века мед известен как хмельной напиток, это нашло отражение в концовках русских народных сказок: «Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало». С медом ели также и поминальную кутью. Мед как напиток использовался в церковных поминальных обрядах. Такой напиток обязательно освящается в церкви и употребляется в поминальные дни [Там же: 290].

Сахар долгое время на Руси оставался предметом роскоши, так как был привозным товаром. Только в XVI веке, с развитием морской торговли через Архангельск, сахар получает более широкое распространение, появляется сахар-леденец, всевозможные ягоды, варенные в сахаре, и просто «сахар в головах». Однако он все же остается дорогим продуктом. Простой народ вместо дорогого сахара пользовался дешевым медом – на нем делали фруктовые и ягодные варенья и другие сладкие блюда.

Особенности национальных традиций, связанных с употреблением сладкого, отражаются в языке. Образное лексико-фразеологическое микрополе «СЛАДКОЕ» включает номинативные единицы с семантикой 'сладкое' и образные единицы, возникшие на основе метафорической номинации какого-либо предмета, признака, действия по аналогии с ключевым образом сладкого блюда. Данные образные единицы имеют в своем составе слова или части слов, называющие сладости.

Например, на базе слова *мёд* 'сладкая, густая жидкость, вырабатываемая пчёлами из нектара цветков медоносных растений' образуется целый ряд образных средств, включающих представление о мёде в качестве образного основания.

1) Собственно образные лексические единицы: *медуница, медунка* 'растение лабазник с душистым, как мёд, запахом' (*Медунки – это цветочки таки, первые появляются. Вырвешь цветочек, пососёшь его, сладкий такой, как мёд* (Сар.)).

2) Языковые метафоры: *медовый* 'о утрированно-нежном, льстивом, прилипчивом голосе, напоминающем такие свойства меда как вязкость, липкость (*Рыжий, похожий на лису человека, не смущаясь резким тоном Клинова, заулыбался, завертелся и, изгибаясь хребтом, сказал медовым голосом: – О, конечно! Я понимаю, Господи! Улетучусь как дым. Но, вы простите, – передо мной, как перед духовником, стесняться нечего: может быть, вам сейчас нужны деньги.* Аверченко).

3) Устойчивые образные сравнения, идиомы, обороты речи разной структуры: *как мёд* 'о чём-л. сладком' (*Одуванчики варёны ела, вкусны, как мёд* (Мельн.)); *мёдом* 'о чём-л. душистом' (*Иван-чай – душиста така. Мама звала её «медуница». Во время цвета как мёдом пахнет* (Мельн.); *не мёд* 'о трудной, неприятной жизненной ситуации, не такой приятной, как мед' (*Ну, мы тоже фрукты хорошие! – с внезапным приливом самообличения рявкнул Подходцев. – Тоже и с нами жить не мед.* Аверченко).

В силу своей исторической значимости и повсеместности употребления, а также информационной нагрузки, которую несет слово, мед выступает как эталон сладости, чего-то желанного, символа благополучия и счастья. Как указывает В.Г. Токарев, «эталон сжато (компенсированно) отражают типичные представления народа о мире в ходе освоения действительности, характеризуются операциональностью, поскольку выступают в качестве ориентиров в процессе познания действительности» [8: 148]. В.Н. Телия под квазиэталонном предлагает понимать языковую единицу, которая указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, связанную с представлениями о качествах человека, репрезентированную образом данного референта. «...культурно-национальные символы, воплощенные в языковое «тело», – это всегда словозначение, выполняющее функцию символа: языковая единица

награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся ее собственным языковым значением» [7: 243-244]. Свойство меда (сладость) является своеобразной мерой качественных и количественных характеристик, нормой оценки (хорошо/плохо).

В образной лексике находит отражение национальная психология, этические и моральные установки народа в оценке качеств и поведения, поступков человека. Образные единицы, репрезентирующие образное микрополе «Сладкое», отражают полярную универсальную оппозицию оценки мира и себя в нем. По мнению Т.Б. Банковой, «основой для данной категоричной оппозиции <...> становится имманентное свойство архаического сознания поляризовать мир именно в оценках, несущих принципиальное жизнеутверждающее значение, избегать полутонов, проявлять этический максимализм» [1: 57].

Рассмотрим оппозицию хорошо/плохо, вербализованную образной лексикой, входящей в состав образного микрополя «СЛАДКОЕ». Основанием для сравнения выступает 1) наличие/отсутствие признака сладкий;

2) количество, мера признака сладкий, содержащегося в чем-либо, по отношению к норме.

1) Наличие/отсутствие признака сладкий:

А. наличие признака сладкий служит основой для выражения чего-то приятного, доставляющего удовольствие. **Насладиться** – ‘испытать высокую степень удовольствия от чего-либо’ (*Три дня вся квартира по вечерам собиралась у Брагиных, дабы насладиться невиданно крупным изображением. Теперь можно было даже разглядеть сережки в ушах у женщины-диктора. Маринина*). **Сладостно** – ‘приятно’ (...у него легонько кружилась голова и чуть-чуть тошнило в животе, бока же как будто не было, бок сладостно молчал. Булгаков).

Б. отсутствие признака сладкий выступает основанием для представления чего-то трудного, неприятного, тягостного. **Не сахар** – о характере, образе мыслей, доставляющем неприятности окружающим. (*Характер, конечно, непростой, но в юности у всех нас характеры не сахар, все за самостоятельность и независимость от родителей боремся. Маринина*).

2) количество, мера данного признака, содержащегося в чем-либо, по отношению к норме:

А. Количество, содержание данного признака оценивается носителем языка как норма (о сне, мечтах, жизни): *Согревшиеся, сытые парни не чувствовали холода и торопились ухватить последний, самый сладкий часик сна. Рубан*.

Б. Данный признак не должен присутствовать в чем-либо (для характеристики данного объекта или явления этот признак является чужим, не свойственным ему) или признак присутствует в излишнем количестве

по отношению к норме. **Сладкий** – приторно-нежный, умильный. Сладкая внешность, улыбка, голос, взгляд вызывают отрицательные эмоции. **Сладость** (о внешности мужчины): *Хорошо, когда есть воля и еще кое-какие обстоятельства и черты характера, чтобы, как Ален Делон, переломить судьбу и собственную сладость покрыть мускульной бронзой супермена. Девушка, похожая на ангела. Слащавый – ‘излишне нежный, льстивый’ (Он на других не смел кричать, а был любезен, предупредителен и слащав. Куприн).*

Образным основанием выступает также такое свойство сахара, как клейкость, доставляющая неприятные тактильные ощущения. (*Сладкий такой, прилипчивый взгляд, чуть ли не томление в нем... Шкловский*). **Слащавость** – *Мерзкий он человек. Вроде сладкий, как патока. А прикоснешься – от этой его липкой слащавости замучаешься руки отмывать.* Леонов. Вкусовые (сладкий, как патока) и тактильные (липкая слащавость) ощущения, лежащие в основе метафорической номинации, создают отрицательный образ человека, вызывающий негативные эмоции со стороны окружающих людей.

Сиропный (о голосе) – ‘чрезмерно ласковый, умильный’ – добавим ‘неискренний, обманчивый, вводящий в заблуждение’ (*Злодеи, как правило, сентиментальны – любят посидеть при свечах у накрытого стола и попеть сиропными голосами про трень-брень-колокольчики.* Акунин).

Привнесение признака сладости способствует сглаживанию неприятных ощущений от каких-либо бытовых неудач повседневности. **Подсластить** – ‘добавить положительных эмоций, чтобы получить ощущение удовлетворения’ (*Чтобы подсластить горечь несбывшихся надежд, я сгоняла на кухню, принесла соевые батончики.* Донцова). Однако сладость, скрывающая неприятное, горькое, часто ведет к самообману и лжи. (*Редактор хочет все же пригладить, подсластить очерки.* Чивилихин).

Сладкое может выступать и как опасное, греховное, разрушающее начало. Сладкая жизнь, с одной стороны, желанна, а с другой стороны, разрушительна. Сладкое притягивает, обещает желаемое, осуществление мечты, но под внешним удовольствием скрывается разочарование, а порой и разрушение. (*В чем этот сладкий яд власти, превращающий человека в свое слепое бездушное отвратительное орудие?* Серафимов)

Образное лексико-семантическое микрополе «Сладкое» также включает группу слов – наименований сладостей: конфета, леденец, хворост, шоколад, пряник, бисквит, желе, пастила, которые часто используются как эталоны сладкого при актуализации переносной семы "приятный; доставляющий удовольствие" или семы "приторно-нежный, умильный": *На двери в комнату – сладкий, как патока, портрет-календарь певца Александра Серова.* Коляда.

Не только сладость, но и другие физические свойства сладких кулинарных продуктов выступают в качестве мотивирующего основания при

обозначении различных предметов и явлений окружающей жизни. Например, **конфетка** ‘о чём-нибудь очень хорошем, привлекательном’: в основе уподобления лежит внешний признак (*И не надо. Кино не театр. Здесь все гении. У вас взгляд Гомера, у вас лоб интеллектуала. Для кинематографа вы конфетка!* Червяков); **как патока** ‘о чём-л. тягучем, густом’: переосмысление, основанное на представлении о структуре, консистенции блюда (*Когда она сбегает, сусло, как патока тянется.* (Верш.)); **шоколадный** ‘о чем-либо, цветом похожем на шоколад’ (*шоколадный загар*); **не сахарный (не растаешь)** ‘о человеке, жалующемся на неблагоприятные условия’: основанием для образного переосмысления служит свойство сахара растворяться в воде, (похожий на) **пряник** ‘о чем-либо, по форме напоминающем пряник’ (*Путешествие мое оказалось бессмысленным, но привез я с Кавказа несколько толстых, похожих на пряники копченых сыров и ходил с ними в гости.* Березин).

Особенно необходимо выделить группу образных слов, выражающих ассоциацию с пряником. Пряники – основное русское национальное кондитерское изделие – появились на Руси еще в IX в. как разновидность хлеба: простая смесь ржаной муки с медом и ягодным соком. Они именовались медовым хлебом, так как мед составлял в них почти 50%. Пряниками они стали называться позднее, в XI-XII вв., когда в них стали все более и более добавлять пряности, и когда именно наличие пряностей (и их запаха), а не меда, оказалось постепенно наиболее характерным признаком пряничного теста. Пряник и означает изделие с большим количеством пряностей.

Основанием для образного переосмысления служат не только вкусовые свойства данного кулинарного блюда, но и его внешние характеристики: форма, цвет готового продукта, украшение его лицевой стороны: **как пряник** ‘о чем-л. цветом, внешним видом напоминающем пряник’. Образ пряника часто используется для создания нереального, сказочного, спасительного, доброго, чудесного, напоминающего детские сказки, в которых все заканчивается всегда хорошо (*Рядом с нею стоял старик, совершенно сказочный: коричневый, как пряник, с белой сахарной бородой.* Греков). Ощущение сказки создается при помощи образных лексических единиц **как пряник, сахарной**, формирующих чувство приятного, сладкого ощущения, чудесного, доброжелательного отношения. Пряничный – это не просто разукрашенный, расписной, красивый, колоритный (*Через несколько мгновений на экране его мощного компьютера возникает цветная картинка: Васильевский спуск, восточный склон кремлевской стены, пряничный собор.* Плешаков), это еще и постоянное стремление человека к чуду (*Казалось, что где-то в этих зарослях прячется пряничный домик.* Гинзбург), это и защита от внешнего, не всегда доброжелательного мира (*После этого они замирают, засыпают, спрятав головы под одеяла, напуганные шумом внешнего мира, боясь впустить его в свой пряничный мирок*

"Театральная жизнь"), это память о беззаботном детстве (*Там, улыбаясь, стоял румяный карапуз, похожий на моего лучшего друга из ясельной группы. Вышла на порог свежая сдобная женщина с розовой лентой в волосах и сказала: – Проходи, миленькая. Так вот я и попала в пряничный домик. Маленькая, очень чистая однокомнатная квартирка. Уютные подушки на диване, столики, креслица, скатерти с рюшками. Старая-престарая газовая плита в тесной кухне.* Тарасенко). Это, наконец, обозначение «своего», освоенного пространства, противопоставленного «чужому», непонятному, осознание своей национальной принадлежности (*Что ж, ей, человеку Запада, вся эта лужа киселя могла казаться лишь сном пьяного кондитера, но мне-то было ясно, что этот пряничный славянский рай – мое Лукоморье, а верный пограничник с верным псом стережет его рубежи.* Климонтович).

Таким образом, в образной лексике языка находит отражение национальная психология, склад ума народа, традиции и обычаи, этические и моральные установки народа в оценке качеств и поведения, поступков человека. Вследствие этого в языке формируются образные единицы, закрепляющие в своей семантике актуальные для каждого из народов понятия и качества. Образные средства языка, репрезентирующие ключевые образы с семантикой «СЛАДКОЕ» в качестве основания совокупности метафорических номинаций различных явлений действительности, формируют значительный фрагмент языковой картины мира носителя русского языка. Это позволяет говорить о ценностной значимости символического кулинарного кода в культуре русского народа.

Литература

1. Банкова Т.Б. Ценностные ориентиры в крестьянском мировидении (на материале « Полного словаря сибирского говора) // Язык и культура: сборник научных статей XIII международной научно-методической конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета / под редакцией к.н.ф. доцента С.К. Гураль. Томск, Томский государственный университет, 1999. С. 56-60.
2. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3-11.
3. Блинова О.И. Вместо предисловия. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 1997. С. 3-27.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
5. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. 2-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 288 с.
6. Пименова М.В. Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 79-85.
7. Телия В.Н. **Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.** – М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

8. Токарев Г.В. Образ человека через призму квазиэталонов русской территориальной субкультуры // Культурные аспекты в языке и тексте: сб. науч. тр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 146-156.
9. Юрина Е.А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 32. С. 25-58.
10. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
11. В качестве иллюстративного материала привлекались данные из «Национального корпуса русского языка».
12. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 312 с.

Н.О. Кириллова

Елабужский государственный педагогический университет

РЕЧЕВОЙ ЖАНР В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Комплексный характер интерпретации денотата, выявленный в ходе анализа метафорического моделирования аспектов речевой ситуации, обусловливает поиск нелинейной модели, отражающей речевую ситуацию в целом, а не отдельных ее элементов.

Изучение метафорической репрезентации когнитивных структур, отображающих ситуацию речи (фрейма, сценария, модели речевого взаимодействия), обнаруживает необходимость обращения к описанию структуры, позволяющей исследовать метафорические номинации системно, – к речевому жанру.

Обращение к модели речевого жанра мотивировано и логикой языкового материала. Исследование показало, что метафорическому моделированию обычно подвергается не отдельно взятый компонент ситуации, а вся ситуация либо один из ее компонентов в теснейшей связи с другим. Иными словами, метафора в целом, в том числе конкретная метафорическая модель, стремится к моделированию всей ситуации.

Анализ выявляет тяготение отдельных метафорических образов к маркированию определенных речевых жанров.

Речевой жанр – явление двустороннее и в методологическом, и в сущностном отношении. Одной стороной он обращен к прагматической ситуации, то есть к сфере денотативной, другой – к ментальным процессам коммуникативной ситуации, т.е. к сознанию участников коммуникации.

В работах, посвященных изучению речевых жанров, выявляются также два подхода: типы высказывания трактуются либо как формы культуры (в большинстве антропологических работ), либо «как определенные фор-